

Научная статья
УДК 327(470:517.3:510)
DOI 10.18101/2305-753X-2024-2-11-19

**БУРЯТ-МОНГОЛЫ И РАЗВИТИЕ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКО-
КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ с XVII в. до 1924 г.**

© **Бутаев Игорь Алексеевич**

кандидат политических наук, преподаватель,
Бурятский институт инфокоммуникаций,
Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики
Россия, 670031, г. Улан-Удэ, ул. Трубочеева, 152
Lusanovaauna@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается вопрос становления и расширения разносторонних межгосударственных отношений России и Китая, история проживания монгольских народов и строительство халха-монголами своего современного государства в условиях балансирования между сверхдержавами. Исследуется позиция монгольского руководства в периоды обострения межгосударственных отношений и развитие конфликтных российско-китайских противоречий. Вместе с тем рассматривается курс монгольской власти на этапах российско-китайского сговора и проведения политики, обусловленной двусторонними договорами. Оценивается роль бурят-монголов в эпоху революционных преобразований монгольского общества в XX в. Существенное внимание уделяется вопросу формирования многополярного мира и отношению Монголии к его становлению и изменению ситуации в регионе Восточной Азии, а также монгольскому политическому курсу поиска «третьего соседа».

Ключевые слова: Халха, Даурия, Хутухта, КВЖД, Транссиб, Внутренняя Монголия, Маньчжурия, Урга, атаман Семенов, Рагузинский, Кяхта, политика «третьего соседа».

Для цитирования

Бутаев И. А. Бурят-монголы и развитие российско-монгольско-китайских отношений с XVII в. до 1924 г. // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2024. Вып. 2. С. 11–19.

В истории монгольского народа XVII век имел ключевое значение. Это был период коренных перемен, формирования новой политической обстановки в Северо-Восточной Азии. Халха, или Северная Монголия, оставалась независимой, хотя одновременно в Китае уже водворились маньчжуры, а в самой Халхе распространялся тибетский буддизм [5, с. 19]. В Забайкалье появляются русские землепроходцы, именующие его Даурией. Путем строительства острогов они закрепляют там русскую государственность. Главной опорной базой в Забайкалье явился Баргузинский острог, основанный отрядом И. Галкина в 1648 г., а через

10 лет уже основан Телембинский у озера Телемба и Селенгинский острог в 1665 г. с Удинским зимовьем в устье реки Уда в том же году.

В 1676 г. монголоязычные племена, расселявшиеся в Джунгарии к северо-западу от Гоби, между Тянь-Шанем и Алтаем, были объединены ханом Галданом, нанесяшим поражение халхаским князьям, подчинив своему влиянию Восточный Туркестан, урянхов, сойотов [5, с. 22]. Он убеждал халхасцев перейти на его сторону в борьбе с маньчжурской империей Цин. Однако в 1688 г. на сейме халхаских князей было принято решение о подчинении Халхи маньчжурам, правившим в Китае [5, с. 22]. Вместе с тем рассматривалось предложение о подчинении русским, пришедшим к северным рубежам, но решающее слово внес буддийский религиозный лидер монголов Хутухта Ундур-гэгэн, отметивший, что у русских нет веры в Будду и они застегивают полы платья на левую сторону, что запрещает движение к ним [5, с. 22]. Оформление вхождения Халха-Монголии в состав Цинской империи произошло в 1691 г. [6, с. 310].

С присоединением Халхи Китай напрямую соприкасается с Россией, начинаются необходимые дипломатические процессы развития двусторонних отношений и урегулирование пограничных вопросов. Первые контакты двух держав происходят при военном столкновении на Амуре у Ачанского и Кумарского островов в 1652 и 1655 гг. В 1654 и 1660 гг. русские дважды безрезультатно направляли посольства с предложениями об установлении добрососедских отношений и торговли. И только в 1671 г. уже цинские чиновники обращаются к российским с требованием выдачи сбежавшего от них эвенкийского князя Гантимура с людьми и прекращения освоения Приамурья. В ходе переговоров 1673–1676 гг. цинское правительство запретило своим купцам торговать с российской стороной и закрыло въезд на свою территорию [6, с. 310]. Последовавшее далее подписание в 1689 г. Нерчинского договора повлекло ликвидацию ранее организованного Албазинского воеводства и передачу территории Китаю [3, с. 209]. И лишь в 1727 г. по обоюдному согласию на реке Бура, являющейся притоком Аргуни, состоялось подписание двустороннего прелиминарного Буринского договора, закрепившего межгосударственные границы и установившего места постоянного пребывания кочевых племен [3, с. 310]. Согласно Кяхтинскому договору того же 1727 г. на реке Кяхте было решено организовать место пограничной торговли. Подписание определяющих Буринского и Кяхтинского договоров было осуществлено со стороны России графом С. В. Рагузинским, отметившим верную службу бурят российскому государству [5, с. 78]. Вплоть до 1860 г. российско-китайские отношения развивались на основе подписанных Рагузинским договоров, когда в Пекине был утвержден дополнительный договор, конкретизировавший восточные и западные границы в Средней Азии. Судходство по реке Амур закреплялось только за Россией и Китаем.

Начавшийся XX век явился для всего мира чрезвычайно насыщенным и революционным. В этот период происходят глобальные перемены, которые не могли не затронуть крупнейшие державы мира — Россию и Китай. Раздел мира империями агрессивной западной цивилизации привел к столкновению интересов России, продолжающей освоение дальневосточных рубежей и строительство Транссибирской железной дороги с 1891 г. [2, с. 9], с Японией, рассматривавшей Маньчжурию и Корею как неделимую территорию «Манкан мондай» [2, с. 10]. Следует отметить, что в 1896 г. в Санкт-Петербурге на коронации царя Николая II с Цинской империей был подписан договор о строительстве русскими в Маньчжурии Китайской восточной железной дороги (КВЖД) [2, с. 5]. В январе 1904 г. японское правительство объявило войну России, закончившуюся в 1905 г. Портсмутским договором, утвердившим переход к Японии Южного Сахалина и Ляодунского полуострова [2, с. 14]. Однако 30 июля 1907 г. был подписан очередной российско-японский договор, которым Россия признала особые интересы Японии на Корейском полуострове, а Япония в ответ признала особые интересы России во Внешней Монголии [2, с. 16].

В то же время в самом Китае усиливаются антимаьчжурские настроения и, как во всем мире, растут революционные настроения, направленные на изменение формы политического правления, свержение монархии и образование республики, защиту интересов малоимущих. Лидером революционных преобразований становится доктор Сунь Ятсен, поддерживаемый жаждущими свободы представителями национальной буржуазии. 10 октября 1911 г. в г. Учань офицерами цинской армии было поднято восстание, которое поддержала вся страна. К концу года сторонниками Сунь Ятсена практически повсеместно была взята власть и 1 января 1912 г. он принял присягу в качестве временного президента Китайской республики. Монархия пала, Китай начал новую историю своего развития. Это было начало Синьхайской революции, проведенной по китайскому календарю в год Синьхай (Свинья).

Используя внутрикитайский кризис, вызванный революцией, князья и духовенство Внешней Монголии, находившиеся в финансовых долгах перед китайскими банками, выдававшими им кредиты под залог породных земель, поспешили избавиться от платежей, объявив, что с падением маньчжурского правления и провозглашением республики все связи с маньчжурами и их династией Дайцин в Пекине, установленные в XVII в., прекращаются, а Халха-Монголия (Внешняя Монголия) в сложившейся ситуации провозглашается независимым государством [5, с. 129], ведь с китайцами, свергнувшими маньчжуров, на государственном уровне никакие договоры монголами не подписывались. Примеру Халхи в 1912 г. последовала Барга, или Хулунбуир (северо-восточнее Халхи), также провозгласившая независимость. Причиной также послужили колонизация земель и размещение военнослужащих. В сентябре 1911 г. на национальном съезде было принято решение о выдвижении требования китайцам о выводе войск, прекра-

щении колонизации и передачи управления самим баргутам. Для России Барга имела ключевое значение, так как через нее проходила КВЖД, и русское правительство поспешило предложить свои посреднические услуги в урегулировании китайско-баргинских противоречий. В октябре 1915 г. о Барге было подписано соглашение, по которому китайцы и баргуты получали равноправие, Барга приобретала статус области с назначением фудутуна с правами губернатора, все налоги, кроме таможенных сборов и прибыли с соляной монополии, поступали в местный бюджет, учреждалась милиция для поддержания порядка [5, с. 135]. Также в Кяхте в ходе подписания трехстороннего соглашения Халхи, России и Китая в конечном итоге для Внешней Монголии был установлен уровень китайской автономии [1, с. 5]. Следует отметить и то, что несколько ранее в октябре 1914 г. последствием той же Синьхайской революции становятся политические события северо-западнее Халхи в Урянхайском крае, куда из России прибывает статский советник В. Григорьев, назначенный комиссаром на основании установленного российского протектората над регионом. В силу провозглашения в 1911 г. независимости Халхи, отрезавшего территориальную связь Урянхайского края с Китаем, он полностью попадает в экономическую зависимость от северной России, что и послужило основанием принятия царской администрацией данного политического решения. Со временем, особенно в годы советской власти, эта зависимость все более усиливалась. Провозглашается Тувинская Народная Республика, ведомая генеральным секретарем ЦК ТНРП Солчаком Токой, организовавшим в августе 1944 г. принятие декларации Малого Хурала ТНР о вхождении Тувинской Народной Республики в состав СССР и направлении ее в Президиум Верховного Совета СССР, на что последний в октябре того же года принял указ о принятии ТНР в состав СССР с вхождением в РСФСР на правах автономной области.

Октябрьская революция 1917 г. в России, начавшаяся следом гражданская война и раздел страны между большевиками, монархистами, самопровозглашенными правителями не могли не сказаться на политике соседних Китая и Монголии. В этот период прилегающий Забайкальский край находился под оккупацией японскими войсками и бойцами Забайкальского казачьего атамана Г. М. Семенова. Создалась так называемая «читинская пробка», повлиявшая в дальнейшем на провозглашение в феврале 1920 г. в Верхнеудинске (Улан-Удэ) буферной Дальневосточной республики ради недопущения войны с Японией [3, с. 338]. В ответ Япония в августе-сентябре вывела свои войска из Забайкалья и Хабаровска [2, с. 35]. Особенное значение имела проведенная в феврале 1919 г. на станции Даурия КВЖД конференция монгольских народов, но без участия Халхи, организованная забайкальским казачьим атаманом Г. М. Семеновым и майором японской армии Сузуки. Ее итогом явилось решение образования Великомонгольского государства от Байкала до Тибета и от Тихого океана до Туркестана с утверждением

Временного правительства во главе с родовитым Джалит-Богдо Нэйс-нойоном из Внутренней Монголии. Общемонгольский Хутухта, китайский резидент в Урге и русский консул осудили панмонгольское движение, усмотрев в нем сепаратизм и нарушение Кяхтинского соглашения. Правительство Колчака также отрицательно отнеслось к проекту Великомонгольского государства и советовало атаману Семенову отойти от сепаратистского движения, одновременно обратившись к правительствам Англии и Франции о нарушении русско-китайско-монгольского соглашения 1915 г. [2, с. 30]. Со стороны Китая последовала реакция, выразившаяся в передислокации в Ургу двух тысяч китайских солдат во главе с генералом Сю Шученом [5, с. 335, 336, 339]. Монгольские войска были разоружены, в том же году президент Китая аннулировал Кяхтинское соглашение об автономии Халхи из-за смены власти в России и нападений на Монголию банды атамана Семенова, договор об особом положении Хулун-Буира (Барги) также в январе 1920 г. был объявлен недействительным.

Вызывает интерес осуждение Халха-Монголией панмонгольского движения, поддержанного Внутренней Монголией, бурятами, баргутами, то есть большей частью монгольского мира. Сторонники даурской конференции отправили в Ургу специальную делегацию с воззванием о присоединении Халха-Монголии к общемонгольскому движению в борьбе против Китая. Однако Хутухта под различными предложениями уклонился от проведения встречи. Но все же вынужден был отреагировать на воззвание собратьев. Для принятия решения и выработки позиции он созвал заседание политической верхушки из числа князей и духовенства, которое подтвердило негативное отношение к движению. Избранное Временное правительство продолжало поиск своего признания, несмотря на отрицательное отношение к нему России и Китая, что было изначально предсказуемо, и в апреле 1919 г. в Токио была направлена делегация в составе заместителя министра бурят-монгола Доржринчина, заместителя министра иностранных дел Нормпила в сопровождении американского капитана Берроу, работавшего при Семенове. Японскому военному министру Танаке было вручено официальное уведомление о намерении участвовать в Парижской мирной конференции. Однако японцы переменили свои взгляды о поддержке в России вместо атамана Семенова адмирала Колчака. Никто из великих держав не признал Временное правительство [2, с. 31].

В целом тенденции сепаратизма, порожденные русскими революциями, стали заметны у сибирских инородцев и особенно у бурят-монголов с инсценировкой и желанием организации масштабного всемонгольского движения. Позиция бурят-монголов по отношению к русской власти с XVIII в., когда о них хвалебно отзывался Савва Рагузинский, существенно изменилась в противоположную сторону. Бурят-монголы были недовольны русской колонизацией, не учитывавшей особенности кочевого хозяйства, сокращением норм земельных наделов, игнорированием необходимых им летников и отдельно зимников для успешного веде-

ния скотоводства. Также не устраивали и ограничения русской администрацией бурятского языка и религии. Единственной политической идеологией, способной противостоять бесцеремонной деятельности русской администрации и объединить все слои бурят-монгольского общества, а также родственные им народы Сибири, виделась рожденная их просвещенной интеллигенцией теория объединения всех разрозненных земель монгольских народов в единое государство, получившая условное наименование как панмонголизм. Идеи бурятских сепаратистов распространяются на широком пространстве, затрагивая как монгольские народы, так и тюрков, тувинцев, ойротов (алтайцев), хамниганов (эвенков), восточных киргиз-кайсаков (казахов), входивших в сферу приграничного монгольского влияния. Единение с Монголией в рамках панмонгольского государства в противовес русской колонизации становится основным лозунгом тюрко-монгольских народов и вдохновляет население Урянхайского края на неоднократные вооруженные выступления в кожунах Хемчика, Шеми, Кунгургуте при посредничестве буддийского духовенства с воззванием к населению: «Надо уничтожить темную власть. Помогите войскам Далай-ламы. Не жалей скота!»¹. Тяга к Монголии долгое время служила причиной колебания политической элиты тувинцев. Тюркские народы сближали с Монголией кочевой образ жизни и быт, административно-территориальное деление, участие монгольских племен в формировании этносов, общность исторических судеб на протяжении многих веков, включая историческую память о давних совместных боевых походах. Идеи находят поддержку и среди русских именитых революционеров, таких как Е. Брешко-Брешковская («бабушка русской революции»), вступившая в 1917 г. за угнетенных сибирских инородцев, не понаслышке знавшая бурят из многолетних ссылок [5, с. 334].

Идеи панмонголизма, направленные на создание самостоятельного всемонгольского государства, являлись для России и Китая сепаратистским движением, ведущим к потерям территорий. Обе стороны в противовес проводили политику активного «сплавления», по словам лидера Гоминьдана Сунь Ятсена, ханьцев, маньчжуров, монголов, тибетцев и мусульман Синьцзяна «в единую китайскую нацию» (чжунхуа миньцзу) [2, с. 327], в свою очередь, большевики аналогично формировали единую общность — советский народ.

Оба соседа Монголии, и южный, и северный, были заинтересованы в сохранении своего влияния на Халха-Монголию и, помня исторический урок прошлого, когда и Россия, и Китай являлись составными частями Великого монгольского государства, старались не допустить реального претворения идеи панмонголизма, ведь когда монголы объединяются, то становятся могущественны и представляют большую опасность [2, с. 8]. Однако видя складывающуюся

¹ История Тувы: в 3 томах. Новосибирск: Наука, 2007. Т. 3. С. 327, 193, 194, 153. Текст: непосредственный.

политическую ситуацию в регионе, дальновидные и амбициозные государства начинают выстраивать собственные дипломатические отношения с Халха-Монголией, в чем крайне незаинтересованы ни Россия, ни Китай. После получения де-факто независимости от Китая при помощи СССР, однако оставаясь де-юре его территорией, Монголия задумывается над возможностью реализации идеи доброго «третьего соседа» [1, с. 153]. Идея панмонголизма, возвращенная атаманом Семеновым, поддерживаемым японцами, была им знакома. Но следует отметить, что все же политическая теория была порождена и развита не халха-монголами, а бурят-монголами и широким массам халхасцев она не была известна, как не известна и сейчас, ведь панмонголизм живет в регионах монгольских народов России [1, с. 134–135]. Движение получило развитие в условиях противостояния и борьбы с русскими, а халха-монголам условия реального вытеснения, переселения, противостояния, ущемления не знакомы. Осознание необходимости развития этого движения, способствующего выходу Халха-Монголии из-под влияния обоих соседей, приходит к японцам поздно, уже после его разгрома. Сосредоточение своего влияния в Монголии позволяло бы японцам держать в напряжении и Россию, и Китай. Но в любом случае мнение о проведении Халха-Монголией политики панмонголизма являлось ошибочным.

Более того, в 1924 г. правительство Хутухты Богдо-гэгэна прекращает существование, и Халха-Монголия провозглашается Монгольской народной республикой [2, с. 43], полностью попадая под влияние северного соседа — СССР, как когда-то в XVII в. попала под влияние южного соседа — маньчжурской династии Дайцин. Изначально советское руководство, прогнозируя развитие политической ситуации на дальневосточных рубежах и исходя из военно-стратегических соображений, целенаправленно использует МНР в качестве буферного государства, отделяющего его от Китая у южной оконечности озера Байкал в узком месте сосредоточения Транссибирской железнодорожной магистрали и автомобильных транспортных путей, не имеющих параллельного, резервного северного варианта. Этот регион представлял с военной точки зрения уязвимое звено в приграничной обороне страны и требовал сосредоточения крупных сил.

Литература:

1. Баасансүрэн Б. Монголия в тисках ее соседей. Суровые испытания и благоприятные возможности. Berlin: Lap Lambert Academic Publishing, 2014. 184 с. Текст: непосредственный.
2. Батбаяр Ц. Монголия и Япония в первой половине XX века. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2002. 229 с. Текст: непосредственный.
3. Гатапов А. С. Монгольский исторический словарь: энциклопедический справочник. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2002. 687 с. Текст: непосредственный.
4. Денисов Г. В., Кручкин Ю. Н. Деловая Монголия. Улан-Батор, 2015. Текст: непосредственный.

5. Коростовец И. Я. От Чингисхана до советской республики. Краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени. Улан-Батор: Эмгэнт, 2013. 560 с. Текст: непосредственный.

6. Кручкин Ю. Н. Русско-монгольская энциклопедия. Улан-Батор; Санкт-Петербург; Лос-Анджелес, 2015. 407 с. Текст: непосредственный.

7. Моллеров Н. М., Март-оол В. Д. Урянхайский вопрос в политической истории России: возникновение и долговременная актуальность. Кызыл: Изд-во Тув. ин-та гум. исслед., 2013. 244 с. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 20.05.2024; одобрена после рецензирования 15.06.2024; принята к публикации 25.06.2024.

И. А. Бутаев. Бурят-монголы и развитие российско-монгольско-китайских отношений с XVII в. до 1924 г.

THE BURYAT-MONGOLS AND THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN-MONGOLIAN-CHINESE RELATIONS FROM THE 17th CENTURY TO 1924

Igor A. Butayev

Cand. Sci. (Polit.), Lecturer,
Buryat Information Communication Institute,
Siberian State University of Telecommunication and Information Technology
152 Trubacheyeva St., 670031 Ulan-Ude, Russia
Lusanovaauna@gmail.com

Abstract. The article examines the establishment and expansion of multifaceted interstate relations between Russia and China, the history of Mongolian peoples living between them, and the construction of the modern state by Khalkha Mongols in conditions of balancing among superpowers. It explores the position of Mongolian leadership during periods of intensified interstate relations and the development of conflicting Russian-Chinese contradictions. Additionally, the article considers the course of Mongolian authority during the stages of Russian-Chinese collusion and the implementation of policies dictated by bilateral agreements. The role of Buryat-Mongols during the era of revolutionary transformations in Mongolian society in the 20th century is evaluated. Significant attention is given to the formation of a multipolar world and Mongolia's attitude towards its establishment and changes in the situation in the East Asian region, as well as Mongolia's political course in seeking a "third neighbor."

Keywords: Khalkha, Dauria, Khutuktu, CER (Chinese Eastern Railway), Trans-Siberian Railway, Inner Mongolia, Manchuria, Urga, Ataman Semyonov, Raguzinsky, Kyakhta, "Third Neighbor" policy.

For citation

Butayev I. A. The Buryat-Mongols and the Development of Russian-Mongolian-Chinese Relations from the 17th Century to 1924. *Bulletin of Buryat State University. Inner Asia Humanities Research.* 2024; 2: 11–19 (in Russ.).

The article was submitted 20.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 25.06.2024.